

ФИЛОСОФИЯ ¹

Философия обязана приносить какую-то пользу, и мы обязаны принять ее всерьез. Она должна прояснить наши мысли и наши действия. Или еще, философия есть исследовательская установка, которую мы должны проверить, чтобы убедиться, что она <философия> бессмысленна, ибо это является ее главным положением. Нам следует всерьез принять то, что философия бессмысленна, а не делать вид, как Витгенштейн, будто это важная бессмыслица!

В философии мы берем утверждения, полученные в науке и повседневной жизни, и пытаемся представить их в виде логической системы с исходными терминами, определениями и т. д. В сущности философия есть система определений или, что бывает гораздо чаще, система описаний того, как определения могут быть даны.

Я думаю, не следует говорить вместе с Муром, что определения объясняют то, что мы до сих пор имели в виду, делая утверждения. Они, скорее, показывают, как мы собираемся использовать их в дальнейшем. Мур сказал бы, что это одно и то же, что философия не в состоянии изменить того, что некто подразумевает в утверждении «Это — стол». Мне же кажется, что в состоянии, потому что значение большей частью потенциально и, следовательно, изменение проявляется только в исключительных ситуациях. Порой философия вынуждена прояснять и различать понятия ранее смутные и неопределенные, но делается это лишь для того, чтобы закрепить их значения в будущем ². Очевидно, что определения как минимум призваны обеспечить нам новое значение, а не просто дать удобный способ узнавания определенной структуры.

Ранее, в силу моей излишней схоластичности, природа философии не давала мне покоя. Я не мог представить, как мы, понимая некое слово, не можем в то же время решить, какое его определение правильно, а какое нет. Я не мог преодолеть неясности самой идеи понимания в целом, не мог осознать подразумеваемого отношения к множеству действий, каждое из которых может обмануть наши ожидания и требовать пересмотра. Логика сводится к тавтологиям, мате-

¹ Ramsey F. P. // Logical Positivism / Ayer A. J. (ed.). Glencoe, 1960, pp. 321—326. Перевод выполнен А. В. Красновым. Публикуемый текст представляет собой фрагмент книги Ф. Рамсея «Основания математики» (1931). — Прим. ред.

² Но и в той мере, в какой наше прежнее значение не было совершенно путано, философия, естественно, способна на это. Например, такая парадигма философии, как расселовская теория дескрипций.

матика — к равенствам, философия — к определениям; при всей простоте они суть части жизненно важной работы по прояснению и организации нашего мышления.

Если мы примем, что философия это система определений (и объяснений употребления слов, которые не могут быть номинально определены), то вещи, которые в этой связи представляются мне проблематичными, можно сформулировать так

(1) Какие определения мы считаем подходящими для философии, а какие мы оставим для наук или не будем давать вовсе?

(2) В каких случаях мы можем довольствоваться не определением, но лишь описанием того, как определение может быть дано? (Этот момент затронут выше.)

(3) Как философское познание может быть построено без вечно-го *petitio principii* ³.

(1) Философия занимается не специальными проблемами, а только общими: она призвана не определять частные термины искусства или науки, но решать проблемы, возникающие при определении таких терминов или при прояснении отношения терминов физическо-го мира к терминам опыта.

Между тем, термины искусства и науки должны быть определены, но не обязательно номинально. Например, мы определяем массу, объясняя, как ее измерить; это не есть номинальное определение, оно просто соотносит термин «масса» из теоретической системы с определенными экспериментальными фактами. К терминам, определять которые нет необходимости, относятся такие, как «стул», о которых мы знаем, что всегда сможем их определить, когда эта необходимость появится. Такие же термины как «трефы» (карточная масть) мы легко можем перевести на визуальный язык или какой-либо другой, но не в состоянии удобоваримо выразить в словах.

(2) Решением того, что в пункте (1) мы назвали «общей проблемой определения», является описание определения, из которого мы узнаем, как образовать реальное определение в каждом конкретном случае. Тот факт, что иногда мы не имеем реальных определений, объясняется неуместностью номинального определения; в этом случае просто требуется объяснить употребление символа.

Все вышесказанное даже не касается того, что представляет настоящую трудность в пункте (2). Мы говорили только о том случае, где слово может быть определено простым описанием (потому что рассматривается как одно из целого класса). Его определение или

³ Логическая ошибка «предвосхищение основания» (лат.) — Прим. ред.

объяснение, конечно, тоже лишь описание, но оно описывает таким образом, что когда есть конкретное слово, его конкретное определение может быть выведено. В других случаях у нас есть слово, подлежащее определению, но в итоге мы имеем не его определение, а утверждение о том, что его значение содержит в себе такие-то сущности такого-то рода, то есть утверждение, которое *могло бы* быть определением, если бы мы располагали именами для этих сущностей.

На деле это означает простую подгонку термина к переменной, когда термин становится значением правильной сложной переменной. При этом предполагается, что у нас могут быть переменные без имен для всех их значений. Трудность заключается в том, всегда ли мы *способны* дать имена этим значениям, а если всегда, то какого рода способность это предполагает. Этот феномен обнаруживается при обращении к ощущениям, для описания которых наш язык слишком фрагментарен. Например, «голос Джейн» есть описание некоторого свойства ощущения, для которого у нас нет имени. Возможно, нам удастся назвать его как-нибудь, но сможем ли мы распознать и дать имена различным модуляциям, из которых он состоит?

Претензия к описаниям определений такого рода заключается в том, что в них содержится то, что мы должны обнаружить в процессе рассмотрения, а этот вид рассмотрения изменяет ощущения, умножая сложность того, что нужно было исследовать. То, что внимание может изменить наш опыт, не подлежит сомнению, но мне кажется вполне возможным, что оно обнаруживает некоторую предсуществующую сложность (облегчая, тем самым, адекватную символизацию). Это соотносится с любым изменением сопутствующих фактов, исключая порождение самой этой сложности.

Если мы будем довольствоваться описаниями определений, то здесь обнаруживается еще одна трудность: мы можем получить просто бессмыслицу, вводя бессмысленные переменные, скажем, описывая такие переменные, как «отдельное», или такие теоретические идеи, как «точка». Мы можем, к примеру, сказать, что под «пятном» мы понимаем бесконечный класс точек. Если так, то нам следует отдать философию на откуп теоретической психологии. Поскольку в философии мы рассматриваем *наше* мышление, в котором пятно нельзя заменить бесконечным классом точек, мы не можем экстенционально определить некоторый бесконечный класс. «Это пятно красное» не является сокращенным ее вариантом «*a* красное, *b* красное и т. д.», где *a*, *b* и т. д. — точки. (Да и как это могло бы быть, если хотя бы не было красным?) Бесконечные классы точек могут прийти на ум, только когда мы смотрим на наше сознание со стороны и конструируем его теорию, где поля ощущений состоят из классов окрашенных точек, о которых сознание и судит.

Теперь, если мы построили теорию нашего собственного сознания, мы должны рассматривать его как сумму определенных *фактов*, например, что это пятно красное. Но когда мы думаем о сознаниях других людей, мы не располагаем никакими фактами и, в целом оставаясь в рамках теории, можем убедиться, что эти теоретические конструкции исчерпали поле. После мы обращаемся к нашему сознанию и говорим, что происходящее внутри него на самом деле является теоретическим процессом. Ярчайшим примером такого подхода оказывается, конечно, материализм. Но и многие другие философии (например, система Карнапа) совершают ту же ошибку.

(3) Третьим является вопрос о том, как избежать *petitio principii*, опасность которого до некоторой степени может быть показана следующим образом.

Для прояснения мышления наилучший метод — просто подумать наедине с собой: «Что я под этим подразумеваю?», «Какие отдельные понятия заключены в этом термине?», «На самом ли деле это следует из того?» и т. д., а также проверить идентичность значений определяемого и определяющего на реальных и гипотетических примерах. Это мы можем проделать и без размышления о природе значения как такового; мы в состоянии отличить, одно ли и то же мы подразумеваем под «лошадью» и «свиньей», совсем не думая о значении в общем. Но чтобы ставить более сложные вопросы о виде, нам обязательно потребуются логическая структура, система логики, в которую мы будем их встраивать. Ее мы можем получить путем относительно простого применения таких же методов; например, легко видеть, что <формула> не-*p* или не-*q* истинна в том же смысле, что и <формула> не (*p* и *q*). В этом случае мы конструируем логику и осуществляем весь философский анализ без самосознания; думаем мы при этом о самих фактах, а не о процессе думания. О подразумеваемом мы судим, не обращаясь к природе значения. [Разумеется, мы могли бы думать и о природе значения без самосознания, то есть думать о некотором значении без соотнесения с нашим означиванием *ego*.] Это один метод, и он может быть правильным; но я считаю, что он ложный и ведет нас в тупик, поэтому далее его не рассматриваю.

Мне кажется, что в процессе прояснения нашего мышления мы приходим к терминам и предложениям, которые мы не можем разъяснить обычным способом, определяя их значения. Например, разнообразные гипотетические и теоретические термины, которые мы не можем определить, но можем описать способ их употребления. В этих описаниях мы вынуждены смотреть не только на объекты говорения, но и на наше собственное умственное состояние. Как сказал бы

Джонсон ⁴, в этой части логики мы не можем отрицать эпистемологическую или субъективную сторону.

Это значит, что мы не разберемся с этими терминами и предложениями, если не разберемся со значением, и можем попасть в ситуацию, которую не понимаем. Что, например, мы сможем сказать о времени и внешнем мире без предварительного уяснения значения? И даже несмотря на это, мы не поймем значение без первичного понимания времени и, возможно, внешнего мира, в этом значении содержащихся. Поскольку мы не можем придать философии характер поступательного движения к цели, мы вынуждены, взяв нашу проблему как целое одновременно придти к некоторому решению. В нем будет что-то от гипотезы, но мы примем его не как следствие прямых аргументов, а как то единственное, о чем мы сможем думать и что отвечает нашим требованиям.

Конечно, не следует принимать это сравнение строго, но в философии присутствует процесс, аналогичный «линейному выводу», в котором вещи последовательно проясняются; в силу вышеупомянутого факта мы не можем довести этот процесс до конца и оказываемся в ситуации ученых, довольствующихся частичными улучшениями; будучи в состоянии прояснить некоторые вещи, не можем прояснить всех.

За исключением очень ограниченной области, я неизбежно обнаруживаю самосознание такого рода в философии. Мы прибегаем к философствованию из-за незнания того, что мы имеем в виду; вопрос всегда таков: «Что я подразумеваю под x ?» И только крайне редко мы можем на него ответить, не обращаясь к значению. Это обращение не просто препятствие, а необходимость, служащая, без сомнения, важным ключом к истине. Если мы от него откажемся, то окажемся в абсурдной позиции ребенка в следующем диалоге: «Скажи «завтрак»!» — «Не могу» — «Что ты не можешь сказать?» — «Не могу сказать «завтрак»».

Необходимость самосознания не должна служить оправданием бессмысленных гипотез. Мы занимаемся философией, а не теоретической психологией, и анализ наших высказываний о значении или о чем-то другом, должен быть понятен нам самим.

Кроме лени и путаницы, главную опасность для нашей философии представляет *схоластицизм*, принимающий неопределенное за точное и пытающийся подогнать его под строгую логическую категорию. Типичным примером схоластицизма является мнение Витгенштейна о полной упорядоченности обыденных суждений и невозможности мыслить нелогично ⁵. (Это равносильно утверждению о том,

⁴ И. Э. Джонсон — профессор логики Кембриджского университета, старший современник Рамсея. — *Прим. ред.*

⁵ «Логико-философский трактат», афоризм 5.5563. — *Прим. ред.*

что невозможно нарушить правила бриджа, ибо в противном случае вы будете играть не в бридж, а, как говорит г-жа К. в не-бридж.) Другим примером является аргумент о знакомстве с чем-то предыдущим, который приводит нас к заключению, что мы воспринимаем прошлое. Простое рассмотрение автоматического телефона показывает, что мы могли бы по-разному реагировать на АВ и ВА без восприятия прошлого. Поэтому данный аргумент совершенно несостоятелен. «Знакомство», во-первых, означает способность к символизации, а во-вторых, чувственное восприятие. Витгенштейн подобным же двусмысленным образом употребляет свое понятие «данное».